

Эльвира Частикова и Валерий Прокошин

История одного стихотворения

Одно из самых дорогих мне стихотворений Валерия Прокошина:

*Паустовский пишет: в Тарусе рай —
снегири на яблонях, словно штрифель,
а когда идёшь в дровяной сарай,
снег, исписанный воробьиным шрифтом.
Всё крыльцо — в синицах, в щеглах — окно,
на страницах крыши — ворон помарки.
Время движется, как в немом кино,
под стихи какого-нибудь Петрарки.
Приезжай из горьких своих столицы,
чтоб увидеть в подлиннике Россию.
Я вчера приручил трёх певчих птиц —
Ариадну, Анну, Анастасию.*

Задумчиво и восхитительно, не правда ли? Валера прочитал его мне первой.

— Долго писал, — признался. — Мучился с именами. Сегодня добил и сразу к тебе...

— Не понимаю, как ты не выпадаешь из состояния, настроения... Впечатление — сиюминутности, выдоха!

— Нет, я, как ты, не умею. Ввожу себя по многу раз в ту же самую реку, мелкими шажками продвигаюсь.

— Умеешь работать. А мучился с именами почему?

— Не всё совпадало, устраивало...

— Ну, да, Анна как бы из другой географии, — заметила я.

— Тебя сразу царапнуло?

— Нет, что ты, я мигом подпала под очарование, ничто меня не резануло, а вот теперь, анатомируя, поставила бы другое имя...

Моя быстрая реакция выдала мне имя Белла, ведь она тоже, как Анастасия и Ариадна, сроднилась с Тарусой, о которой шла речь. Мы с Прокошиным охотно и часто бывали в этом старинном городке, ежегодно заманивающим нас на Цветаевские чтения и праздники поэзии в первых числах октября, вольно и упоённо там гуляли, разговаривали, что-то обсуждали, катались на лодках, фотографировались под целительные звоны храмов...

— Ну! Какое?

Валера весь горел нетерпением, буквально сверля меня своими пронизательными зрачками. И я впервые за нашу долгую дружбу тормознула:

— Нет, тут — твои владенья, ты сам решаешь...

— Не вписываются нужные, не подходят, как назло. А ты просто так сказала или что-то конкретное появилось? — допытывался он.

— Знаешь, я сразу приняла эти стихи, дай мне с ними остаться, пожить. Не пытай!

Почему я не произнесла имени нашей любимой Ахмадулиной? Побоялась Валеру сбить? Скорее всего. Но — интуитивно! А если поразмышлять, он ведь свой обдуманый выбор остановил именно на букве А — подобрав на неё все три имени, как некогда и в другом тексте зацепился, например, за Ч: «Челентано, Чонкин, Чикатило — знаковые стали имена». Конечно, я могла выпалить подсказку, находясь вообще на грани этого, а мой друг — подхватить её на первой волне, и получилось бы «А и Б...сидели на трубе».

Есть в поэзии малообъяснимые вещи, тонко улавливаемые чутким слухом в акте творения, не требующим вмешательства и спотыкачек.

Слава

Идём с Валерой вдоль берега Оки в Тарусе и видим рыжую дворнягу, блаженно развалившуюся на песке и позволяющую пёстрым курам что-то выклёвывать из её шерсти (семена прибрежных трав, блох?).

— Клёво! — восхищается Прокошин.

— Как там у Новеллы Матвеевой: «...и каждой курице позволит клюнуть вас, ловите этот час и знайте — это слава!» — процитировала я.

— Позавидуешь! — рассмеялся Валера.

— Чему? Или кому? Собаке? Блохе? Круговороту любви в природе?

— Славе! Пусть бы клевали...

Школа злословия

По ТВ идёт передача «Школа злословия» с Татьяной Толстой и Дуней Смирновой. На этот раз они беседуют с Ренатой Литвиновой — восхищённо, без нападков и заклёвываний (попробовали бы только!). Не пропускаю, хоть и за полночь, — очень интересно. Рената верна себе, но и — актёрско-режиссёрской профессии: правит балом. И волевая, энергетически объёмная Толстая позволяет ей, никогда не уступая лидерства другим. Дуня — как связная между мирами.

— Красавица?! — реагирует Рената на комплимент. — Да я сама себя сделала такой, всё в наших руках, причём, довольно просто...

— Да ну?! — не верят «злословицы». — Как это? Природа уже постаралась...

И обсуждают то да сё на волне абсолютной искренности, заданной Ренатой, мне показалось даже, чуть подобострастно (или друг другу всё же подыгрывая?). Не знаю. Да и давно это было, нет уже на ТВ такой классной передачи, чисто русской, что ли.

На следующий день заговорила о ней с Валерой Прокошиным. Он оживлённо подключился:

— Слушай, я смотрел, как она их сделала, эта Литвинова!

— И мне показалось тоже. Я ведь поклоняюсь им, этим трём грациям, за талант — просто любимицы мои, каждая!

— А в лице Ренаты победила женственность с плюсом таланта — беспредельная! Вроде бы, что это за невидаль в женщинах? Но таких особенных, как Рената, среди известных — раз-два и обчёлся: Татьяна Доронина, Галина Польских, Марина Неёлова... Обожаю их за неприкрытую, повседневную принадлежность к прекрасному полу.

— А я часто слышу про Доронину, да и Литвинову, что им вредит избыток артистизма, манерности, раздражает людей.

— Знаешь почему? — обрадовался Валера словно открытию. — Требуется предельное мужество — для равновесия. А так — не получается на равных: или подобострастно, или нетерпимо. Даже на умных и красивых баб действует! Теперь понятно, из-за каких таких красоток развязывают войны?

Загад не бывает богат

Идём с Валерой от Веры Чижевской по улице Ляшенко. Слева от нас — старые семейные общаги, а справа — неухоженный криминальный лес посреди города. Нет-нет, настанут ещё времена его преображения, я увижу на обочине и лося рукотворного, и кормушки для птиц, и удобные пешеходные дорожки, и скамейки, но пока — тёмный конгломерат. Он с его дурной славой (нашумевшим диким убийством и рядом хулиганств) наталкивает, видимо, нас на соответствующую тему.

— Хочу написать классический детектив, — делится Валера.

— На местном материале? — уточняю я.

— Куда выведет...

— Я бы написала про аномальные зоны Обнинска, вычисленные по местам совершённых преступлений...

— Типа путеводителя?

— Скорее, путеотводителя, — поправила я, — но с сюжетом на документальной основе. Правда, совершенно не готова к этому — окунаться в ужасы не для меня.

— А давай вместе напишем, — предлагает Валера, — будем страховать друг друга, интересовывать и править...

— Я не потяну пока, нет детективного опыта, плохо угадываю запутанную схему, не готова. Попробуй с Верой Абалаковой!

— Попробовать — не написать. Как для разговоров стихами, так и для совместной прозы, нужен рифмующийся соавтор. И это — самое главное, мне кажется, сколько ни пробуй...

Прошло определённое время, и Прокошин выдал ремейк «Достоевский в натуре», где кровь лилась через край, и его герои утрированно повторяли уже известных и экранизированных, муссируя «Преступление и наказание». А я написала большой цикл «Обнинских баек, историй, анекдотов и виньеток», среди которых прорезался и мой очерк «Око за око» (реальное преступление в нашем городе).

Надо признать, что ни у него, ни у меня не вышло по задуманному в литературном смысле, хоть плачь. Я иногда и плачу (конечно, в данном жанре всегда есть, кого оплакивать!)... Я плачу и о нашем дуэте, и от отчаяния, нестерпимой боли (своей и чужой), которая делится на всех — для переносимости.

Смех

Одна писательница из Кудинова, учитель по образованию, в общении никак не могла без обличения чего-то и моралитэ. После шумного банкета по случаю выборов или перевыборов в Калужском отделении Союза писателей сидим в гостинице и пьём чай — человек пять женщин.

— Надо, — говорим, — позвать из соседнего номера Прокошина. — Ты, Валя, набрось что-нибудь на себя (она — в ночной рубашке и в спущенных чулках).

— Да ну! — отвечает. — Что такого?! Я и так не голая. Жарко тут.

Вскоре приходит Валера, легко вписывается в нашу компанию, подхватывает общий разговор. А Валя, меж тем, проталкивает свою любимую тему о безнравственности молодого поколения.

— Мы были чистыми, уважали старших, несли в душе благодарность. А что сейчас? Одно бесстыдство! Их и наша история не устраивает, не туда, оказывается, рулили. А сами куда рулят? Наглые! В коридорах учителей обгоняют, никаких правил для них нет. Девушки не знают, что такое скромность. Какие из них будущие жёны и матери?! Я лично до сих пор стесняюсь своего мужа.

— А меня вот не стесняешься, — не выдерживает Валера. — Сидишь в исподнем, другим пример подаёшь! Вот такие и разлагают...

— Я?! Да ты что говоришь? — завизжала она. — Что ты в этом понимаешь?!

— Двух дочерей вырастил, как-нибудь понимаю. Одетую женщину от неприкрытой отличить могу.

— От кого мне прикрываться?! От тебя? Да ты мне в сыновья годишься. Я, что, на тебя обращать внимание должна?!

— Нет, ты никому ничего не должна, вот другие тебе должны почему-то. С себя всегда начинать надо, учительница расхристанная...

Мы еле их успокоили. Но отдельные подколы продолжились и потом, даже в утренней электричке, некоторые касались и меня, сыгравшей с Валерой в две руки книгу «Новая сказка о рыбаке и рыбке».

— Семейные рифмами в любовь не играют, у семейных долг имеется, — говорила она, бросая осуждающие взгляды в мою сторону.

Свидетели-слушатели снисходительно улыбались, не желая ввязываться. Валера ничего уже не доказывал, но смеялся открыто, от души. А смех — это такое благо! Никому ведь не возбраняется, но легко смеются немногие: лишь свободные, уверенные и молодые (неважно — внутренне или по возрасту).

Незабываемый привкус

Договорились небольшой компанией ехать в Калугу на какой-то юбилей Союза писателей. Ждали друг друга у первого вагона на Обнинской платформе.

Прокошин не появился. Нырнули в подошедшую электричку, и уже в пути я увидела из окна одинокую фигуру Валеры.

— Почему ты не сел в электричку? — закричала я по мобильнику.

— А ты где — в вагоне? Едешь?

— Ну да, как и договаривались, мы все едем, — отвечаю. — Ты не успел, что ли?

— Я почему-то не нашёл вас и расхотел ехать, — признался он обречённо.

— Давай захачивай снова: в автобусе или на такси! — нацелила я властно. — Чуть опоздаешь, не страшно. Я буду ждать тебя, слышишь?! Обязательно!

— Да, хорошо, сейчас...

У меня появилось чувство, что он — словно на распутье ... между жизнью и смертью. Может, внутри у него уже было это перетягивание? И если раньше он держался бодрячком, несмотря на болезнь, то теперь сник, подчинился ситуации, не протестуя. И я проявила напор, мне не свойственный, но явно направленный на усилие жить.

Валера приехал, тотчас нашёл меня в огромном помещении через мобильник. Как мы радостно кинулись друг к другу, горячо обнялись, не сдерживая себя, словно другой возможности увидеться у нас не было! И целый вечер провели в настоящем ликовании, хотя ничего особенного вокруг не происходило. Просто было ощущение отвоёванной жизни, неразлуки, необходимости друг другу, взаимного тепла и остроумия.

— Как хорошо, что я приехал, — повторял Валера, благодарно глядя на меня, — а то бы дома замучила тоска...

— «Ностальгия по имени Анна Андреевна», — понимающе добавляла я его строчку, и мы хохотали, как дети, которым в рот попала смешинка, вроде беспричинно, но оставляя незабываемый привкус счастья, — за каких-то два месяца до последнего *никогда*.

Оптика

Лет двадцать тому назад Сергей Коротков (известный в Обнинске и нашей области журналист, эстет и рафинированный красавец) сказал Прокошину, что тот чисто внешне совершенно не похож на поэта. Потом мне это передал Валера — не то, чтобы с досадой, больше, пожалуй, с размышлением.

— Странно, на Пастернака лицом похож, а на поэта нет, — недоумевал он.

— А Серёга признал твоё сходство с Борисом Леонидовичем?!

— Не-а, тоже не признал, — рассмеялся Валера. — Сказал, что образ работаги — это точно моё, а поэта из обозримого окружения — скорее у Игоря Кулебякина. И даже ещё раз подчеркнул, что, да, именно Игорь похож на поэта. Представляешь?!

— Вообще-то с позиции психоанализа человек никогда не совпадает сам с собой, взять хотя бы наши сны, — вставила я. — А Николай Рубцов, по его мнению, похож на поэта?

— Вряд ли, — решил Валера. — Но я спрошу как-нибудь. У него же в голове имеется какая-то определённая картинка, с которой он сличает, романтический образ, декаданс...

Десять лет, как нет Валеры, и примерно месяц — его ровесника, Сергея Короткова. А Игорь Кулебякин за последнее десятилетие так радикально изменился внешне, что на прежнего себя вообще не похож. Вот и прикидывай с этим образом поэта. Сие высокое звание продолжают отстаивать стихи, написанные как Валерой, так и Игорем, всматриваясь с мистическим ужасом, как в самих себя, так и в их авторов. В таком взгляде вовнутрь — единственно правильная оптика, определяющая глубины оригинала и уводящая от повседневности в необозримое литературное пространство.

Победа

Валера всегда хотел пересечь железный занавес жизни в прямом и переносном смысле. А для этого ему требовалось лишь творческое состояние, которое чрезвычайно капризно, ибо зависит от всего на свете. Но ему удавалось, и тогда он откровенно ликовал, декламируя те или иные строки. Только чем дальше, тем больше в нём накапливалось скепсиса. Что же выходило? Преодолеть так называемые, мешающие препятствия творчеством означало какую-то сомнительную позицию, типа, победы над жизнью, прошлого над будущим, силы над человеческой уязвимостью.

Мы с ним говорили об этом в его последний год, когда жизнь для него сделалась чрезвычайно хрупкой, а творчество её уже не заслоняло. Он очень хотел писать, но не мог, чувствуя любви к самовыражению примерно столько же, сколько и ненависти из-за этой горькой зависимости. И я видела, как обречённо он усмехался над бессмысленно жестокой победой жизни.